

Опубликовано:
Азия и Африка сегодня. 2010. № 3. С. 62-66.

М.Ю.Сорокина

Дела и люди российской дипломатии на Востоке:
по страницам мемуаров Дмитрия Абрикосова

Исторические события нередко имеют последствия, которые совсем не прогнозировались их вершителями. Парадоксально, но благодаря революционным событиям Октября 1917-го года и последовавшим за ними рассеянием наших соотечественников по всему миру, россияне обрели интереснейший корпус воспоминаний — своего рода всемирную эмигрантскую мемуарную библиотеку. Мемуары российских дипломатов — одна из важных ее составляющих, отражающие многообразие функций и специфику профессионального бытования дипломатического сообщества на всем протяжении его истории. Бóльшая часть воспоминаний была написана и опубликована в эмиграции в первой половине XX в. (мемуары министров иностранных дел А.П. Извольского, С.Д. Сазонова, П.Н. Милюкова, послов А.В. Неклюдова, П.С. Боткина, К.Д. Набокова и др.), другая часть попала в архивы русской эмиграции за рубежом, иные после Второй мировой войны оказались в советских архивах (в составе коллекций пражского Русского заграничного исторического архива) и стали доступны лишь в последние десятилетия. В то же время многие воспоминания и поныне хранятся в семьях — так, в 2006 г. московским издательством «Русский путь» опубликованы записки Сергея Виссарионовича Чиркина (1875—1943) «Двадцать лет службы на Востоке», извлеченные из домашнего архива его сыном, а в 2007 году в историческом альманахе «Диаспора» увидели свет воспоминания Бориса Сергеевича Колоколова (1911—2001) — сына

последнего генерального консула Российской Империи в Мукдене (ныне Шэньян, Китай) Сергея Александровича Колоколова (1868—1921), пришедшие из его семьи, живущей ныне в Казахстане.

Конечно, отпечаток «беженства», политического изгнания, горечи крушения карьеры и идеалов лежит на многих эмигрантских воспоминаниях. В этом ряду заметно выделяются мемуары последнего царского посланника в Японии Дмитрия Ивановича Абрикосова (1876—1951), посвятившего страницы своей книги не столько оправданию несбывшегося, сколько описанию напряженной внутренней жизни российских посольств и миссий в Великобритании, Китае и Японии. Впервые под названием «Revelations of a Russian Diplomat» мемуары Абрикосова были опубликованы на английском языке в 1964 году издательством Вашингтонского университета. В России честь публичного открытия имени Дмитрия Абрикосова принадлежит японисту Петру Эдуардовичу Подалко, в перестроечное время опубликовавшему несколько статей, а затем и монографию «Япония в судьбах россиян» (М.: Крафт+, 2004), в которых впервые поведал российскому читателю о необычной судьбе последнего императорского дипломатического представителя в Японии. Наконец, совсем недавно, в 2008 году уже упомянутое издательство «Русский путь» по инициативе и в переводе внучатой племянницы Д.И. Абрикосова, кандидата биологических наук Натальи Юрьевны Абрикосовой под названием «Судьба русского дипломата» впервые издало полный текст воспоминаний на русском языке¹.

Прежде чем рассказать об авторе мемуаров и его книге, несколько слов о тех, кто сохранил для Истории и потомков рукопись Д.И. Абрикосова. Первым в этом ряду по праву стоит имя профессора Джорджа Ленсена (1923—1978) — крупнейшего американского эксперта по российской внешней политике и международным отношениям на Дальнем Востоке в XIX—XX вв., редактора американского издания воспоминаний Д.И. Абрикосова. Автор более десятка научных монографий, Ленсен был сыном российских эмигрантов. Он родился 5 ноября 1923 г. в Берлине, куда его отец, бывший харьковский адвокат, Александр Григорьевич Ленсен (1891—1978), эмигрировал из России в 1920 г.

---

¹ Фрагменты опубликованы нами ранее в: Дмитрий Абрикосов. Лондон: уроки «личной дипломатии» при дворе Эдуарда VII // Международная жизнь. 2007. № 3. С. 65—91; Дмитрий Абрикосов. Токио: посольство без государства // Там же. № 4. С. 100—132.

После учебы в Австрии и Швейцарии, с приближением Второй мировой войны, Ленсен вместе со всей семьей в 1939 г. переехал в США. Во время войны он был мобилизован и в составе армейских аналитических миссий побывал в Индии, Китае, Японии, что во многом сформировало и определило круг его будущих профессиональных интересов. Уже после войны Ленсен окончил Колумбийский университет в Нью-Йорке и с 1949 г. почти тридцать лет возглавлял кафедру востоковедения во вновь открытом университете штата Флорида в Таллахасси. В России профессор Дж. Ленсен более всего известен как автор остающегося наиболее подробным и авторитетным справочника российских дипломатических представителей в Японии, Корее и Китае со второй половины XIX в. до 1968 г.² После трагической гибели ученого в автокатастрофе 31 декабря 1978 г. его богатейшее книжное собрание было приобретено Библиотекой Славистического центра Университета Хоккайдо, где оно хранится наряду с библиотеками других известных русских эмигрантов — Георгия Вернадского (1887—1978) и Бориса Суварина (1898—1992).

Стоит отметить, что вообще русские ученые-эмигранты (или выходцы из эмигрантских семей) оказали значительное влияние на становление различных страноведческих школ американского востоковедения. Крупнейший научный центр синологии и японоведения в Гарварде был во многом обязан своим созданием в 30-ые годы бывшему приват-доценту Петроградского университета, японисту Сергею Григорьевичу Елисееву (1889—1975). Историк и политолог Александр Адамович Беннигсен (1913—1988), в 1919 г. вывезенный родителями из России, сформировал школу американских специалистов по мусульманству советской Средней Азии и Закавказья. Барон Петр Алексеевич Будберг (1903—1972), специалист по сино-алтайским языкам, ранней истории китайской культуры и китайской классической письменности, с 1940 г. руководил кафедрой востоковедения Калифорнийского университета в Беркли. Этот перечень можно продолжить.

---

² Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia: a Handbook of the Representatives of Tsarist Russia and the Provisional Government in China, Japan, and Korea from 1858 to 1924 and of Soviet Representatives in Japan from 1925 to 1968. Tokyo, 1968.

Из краткого биографического экскурса Ленсена ясно, что публикация воспоминаний Д.И. Абрикосова стала логической составной частью его научных исследований. Летом 1960 года он обнаружил этот текст в Архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке (известном более как Бахметевский архив), уникальном собрании материалов российской эмиграции. Архив, созданный в 1951 году совместными усилиями известных русских историков-эмигрантов Михаила Михайловича Карповича (1888—1959), Льва Флориановича Магеровского (1896—1986) и американских славистов, был призван заменить собой известный пражский Русский заграничный исторический архив, в 1945 году принудительно «репатриированный» в СССР. По свидетельству доктора Татьяны Чеботаревой, нынешнего куратора Бахметевского архива, документы Д.И. Абрикосова появились в этом собрании в 1954 г. Они были приобретены архивом за 200 долларов, крупную сумму для того времени, в рамках благотворительной акции, направленной на поддержку нуждавшихся ветеранов-порт-артуровцев. Очень скоро мемуары Д.И. Абрикосова привлекли внимание Дж. Ленсена, сразу оценившего их уникальность и своеобразие и быстро осуществившего значительную работу по подготовке их к изданию.

Несладкая жизнь

Фигура Дмитрия Абрикосова была весьма необычна для российского дипломатического мира первой половины XX века. Он принадлежал к знаменитой московской предпринимательской династии, известной с конца XVIII-го века и подарившей России целую плеяду выдающихся имен во всех областях деятельности — от дореволюционного «кондитерского короля» Алексея Ивановича Абрикосова (1824—1904), его деда, до Нобелевского лауреата по физике, академика Алексея Алексеевича Абрикосова, племянника Дмитрия Ивановича. В отличие от многих, канувших в лету или полузабытых имен российского прошлого, фамилия Абрикосовых широко представлена на современной карте Москвы. Сегодня мы можем прогуляться по Абрикосовскому переулку, названному в честь старшего брата дипломата — действительного члена двух академий — медицинских наук и АН СССР Алексея Ивановича Абрикосова (1875—1955),

человека, который больше всех знал о тайнах кремлевской жизни и смерти, будучи на протяжении всего советского периода ведущим патологоанатомом. Если очень повезет, то можно появиться на свет в родильном доме имени Агриппины Александровны Абрикосовой (1832—1901), бабушки Дмитрия Ивановича и одной из самых щедрых благотворительниц дореволюционной Москвы. Да и «Раковые шейки» и «Гусиные лапки», которые так любят наши дети, — бренды, придуманные Абрикосовыми, а популярный шоколад «Бабаевский» — на самом деле — «Абрикосовский».

Между тем, в дореволюционные годы дипломатическая служба была редкостью для лиц купеческого происхождения. По рождению Дмитрий Абрикосов принадлежал к представителям так называемой «крупной буржуазии», игравшей, как и другие известные предпринимательские династии — Морозовы, Третьяковы, Коноваловы, Рябушинские, заметную роль в общественной и культурной жизни России. Продукция Абрикосовых, а они производили все — торты, пироги, пряники, печенье, бисквиты, всевозможные фигурки из марципана, шоколад, кофе, какао, мармелад и пастилу, глазированные фрукты, компоты, варенье, огромный выбор конфет, занимала почти половину кондитерского рынка России, до того принадлежавшего преимущественно европейским бизнесменам. В 1899 г. «Товариществу Абрикосовых» было присвоено почетное звание «Поставщик Двора Его Императорского Величества». Тем не менее, элита российского общества, в которой продолжала доминировать родовая аристократия, не давала забывать «новым русским» об их «низком» происхождении. «Начиная свою дипломатическую карьеру и вращаясь в высшем свете, — писал Д.И. Абрикосов в мемуарах, — я очень стеснялся того, что моя фамилия ассоциируется с конфетами и карамелями, и предпочел бы иметь менее известную»³.

Наследный принц кондитерской империи, Дмитрий Абрикосов отказался продолжить фамильный бизнес и предпочел путь *self made man*: «Деятельность, которую запланировали для меня родители и бесчисленные родственники, не удовлетворяла меня, и я выбрал карьеру, следуя которой был совершенно один, не имел поддержки ни от кого и даже не был принят там с распростертыми объятиями».

---

³ Здесь и далее цитаты даются по книге: Абрикосов Д.И. Судьба русского дипломата. М.: Русский путь, 2008.

Выросший в полном материальном благополучии, в юности Дмитрий много путешествовал по Европе и Ближнему Востоку и мог сравнить жизнь самого разного зарубежья с российской действительностью. Для думающего человека это сравнение оказалось не в пользу России. Мрачные и унылые лица, нерегулярно ходящие поезда, огромные монотонные пространства и та самая тоска, которая охватывает всякий раз при возвращении из путешествия в зарубежные страны, — возможно, именно эти юношеские впечатления, подробно описываемые Абрикосовым в мемуарах, стали одним из побудительных мотивов для выбора профессиональной карьеры, связанной с деятельностью на благо, но вне России.

Окончив юридический факультет Московского университета в 1899 г. и проведя некоторое время на военной службе, в 1900 г. Дмитрий Абрикосов начал свою профессиональную карьеру в Главном архиве Министерства иностранных дел. Только к 1904 году ему удалось добиться места сотрудника в российском посольстве в Лондоне — наиболее важном и блестящем посольстве того времени. Большую часть времени молодой Абрикосов занимался совсем не «большой политикой», разборкой и приведением в порядок дипломатических архивов. Между тем, эта скучная и монотонная по внешнему впечатлению работа сделала его хорошо осведомленным в том, что происходило «за сценой» русской внешней политики. В то же время Дмитрий прошел в Великобритании серьезную дипломатическую школу под руководством чрезвычайного и полномочного посла графа Александра Константиновича Бенкендорфа (1849—1916/17). «Граф, который хорошо знал европейскую историю, — отмечал Абрикосов — указывал на то, что в дипломатии не существует «традиционных врагов или друзей». Непреложное правило состоит в том, что любая страна должна исходить только из собственных интересов, поскольку в дипломатии нет места альтруизму. Всякий раз, когда страна пыталась быть бескорыстной, как это часто бывало с Россией, ее одурачивали».

Граф Бенкендорф не только поддерживал и покровительствовал маргиналу из «новых русских», но и невольно оказался «крестным отцом» абрикосовских мемуаров. Уже в 1930-ые годы в Японии бывший коллега Абрикосова по дипломатической службе, а тогда преподаватель иностранных языков в коммерческой школе, Николай Иванович Бок (1880—1962) уговаривал его написать о Бенкендорфе, которого при жизни, да и после

кончины, постоянно упрекали в отсутствии «русского патриотизма» и пытались вычеркнуть из истории российской дипломатии. Собственно размышления Д.И. Абрикосова над судьбой его бывшего покровителя и послужили толчком к созданию масштабных мемуаров. Начав распутывать нить собственных воспоминаний, Абрикосов задумался и о переосмыслении траектории собственной жизни, и о том историческом прошлом России, которое с дистанции эмигрантского существования виделось ему теперь гораздо яснее и объективнее. «В изгнании, — признавался Дмитрий Иванович, — желание восстановить прошедшее постепенно росло, укрепляясь от осознания, что прежняя жизнь ушла безвозвратно, и необходимо оставить о ней письменное свидетельство тем, кто пришел нам на смену и самонадеянно считает, что только их образ жизни имеет право на существование».

Миссия в Пекине

Но до «изгнания» Дмитрию Абрикосову еще предстояло более десяти лет насыщенной людьми и странами, встречами и событиями дипломатической службы на Востоке. Благодаря протекции министра иностранных дел Александра Петровича Извольского (1856—1919) в 1908 г. он получил назначение на должность второго секретаря российской миссии в Китае, где проработал до 1912 года, став очевидцем Синьхайской революции (1911—1912). Судьба нередко благоволила Дмитрию Ивановичу, выстраивая причудливую конфигурацию его передвижений. Вот и в Пекин он приехал в тот самый момент, когда в ночь с 15 (2) на 16 (3) ноября 1908 г., в своей резиденции в Запретном городе скончалась вдовствующая императрица Цыси (1835—1908). «Я прибыл в Пекин в то время, — писал Абрикосов, — когда Китай вступал в наиболее критический период своей истории, и стал свидетелем захватывающей исторической драмы... Это был поворотный пункт от старого Китая с его вековыми традициями и порядками, к новому, с его громкими фразами о прогрессе и всеобщим хаосом, который продолжается уже почти сорок лет».

Четыре года, проведенные в Китае, подарили Абрикосову знакомство с совершенно новым и неожиданным миром — как внутри самой российской миссии, так и

за ее пределами. «Самым привлекательным в «азиатской» дипломатии я считал то, — писал он в мемуарах, — что личность и политика полномочного представителя играли здесь более важную роль, чем в Европе, а результаты его деятельности сказывались много быстрее. В Европе бесконечное число конференций, посторонних вмешательств и инструкций всегда видоизменяют индивидуальный образ действия дипломата. Проходят годы, пока скажутся результаты, и в них уже почти невозможно узнать воплощение персональных идей кого-нибудь одного. В Пекине все обстояло совсем не так. Здесь вы сами были творцами политики. Никакие конференции не вмешивались, и уже по прошествии короткого срока можно было увидеть влияние этой политики на отношения между вашей страной и Китаем. Это было особенно справедливо в случае нашего посланника, с которым я работал в Китае».

В главах, посвященных жизни и деятельности российской миссии в Пекине, Абрикосов не уделяет много места высокой политике, хотя и затрагивает важнейшие вопросы двусторонних отношений, зато он великолепно передает атмосферу повседневной жизни русских за границей и прекрасно воссоздает образы коллег-дипломатов. Одним из них был упомянутый выше российский посланник в Китае Иван Яковлевич Коростовец (1862—1933), очень колоритная личность и выдающийся дипломат. Выпускник Императорского Александровского лицея, он еще с 1884 г. состоял на службе по Азиатскому департаменту МИД, а начиная с 1890 г. постоянно работал в российских миссиях за границей — в Пекине (с 1890), Рио-де-Жанейро (с 1894), Лиссабоне (с 1896).

«Посланник, — вспоминал Абрикосов, — был эксцентричный человек, большой циник, но блестящий политик. Он считал большинство людей либо глупцами, либо негодяями, и обожал выводить их из себя. Основная часть его карьеры была сделана в Китае, где он начинал работать еще вторым секретарем. [...] После нескольких лет службы в дальневосточном регионе он был назначен русским посланником в Пекине, где нашел применение своему уму и эксцентричности. Он начал ссоры с военными атташе — полковником [Лавром Георгиевичем] Корниловым, который спустя несколько лет во время русской революции станет известным, как последняя надежда белогвардейцев, и будет убит во время Гражданской войны. Но тогда, в те мирные времена, посланник и

военный атташе могли позволить себе ссориться, и так как ничто не могло оставаться тайным в Пекине, это было постоянной темой разговоров. Посланник симпатизировал китайцам. Он обожал выводить людей из себя, но как ни старался, лишить китайцев их безмятежности ему не удавалось. Это приводило его в восхищение, и он считал их много умней всех наших чиновников, но никогда не упускал возможности попытаться их перехитрить, что походило на игру в шахматы, не имевшую конца».

После большевистского переворота 1917 г. Коростовец, как и подавляющее большинство российских дипломатов, отверг предложение наркома иностранных дел Г.В. Чичерина перейти на советскую службу, участвовал в «саботажном» движении чиновников МИД, а затем уехал на Украину, где фактически занял пост товарища министра иностранных дел в правительстве гетмана П.П. Скоропадского. В эмиграции он опубликовал несколько мемуарных книг и статей, в том числе о своей работе с С.Ю. Витте во время знаменитых русско-японских переговоров в Портсмуте в 1905 г.

Совсем другой стиль руководства посольством и ведения дел демонстрировал наследовавший Коростовцу Василий Николаевич Крупенский (1868—1945). «С прибытием нового посланника, — отмечал Абрикосов, — вся атмосфера в миссии изменилась. Сначала я скучал по блестящему остроумию его предшественника, но уже скоро оценил ровный стиль работы нового посланника. Он тоже имел опыт работы с китайцами, будучи первым секретарем в Пекине во время «боксерского» восстания. У него была прекрасная коллекция китайских предметов, среди которых был красный лаковый трон из летнего дворца и вышитый потолок балдахина императора Цяньлуна. Пока он был посланником нашей миссии, все было великолепно, а наши приемы вызывали зависть в европейских столицах. Он был по-настоящему порядочный человек. Возможно, новый посланник не проявлял столь блестящей, часто неуместной инициативы, как его предшественник, но когда он получал инструкции из Министерства иностранных дел, то принимался за дело с такой энергией и рвением, что, как правило, достигал результатов, несмотря на трудности».

Все же столпом российской миссии в Пекине Абрикосов справедливо считал переводчика Николая Федоровича Колесова и отмечал вообще особое положение переводчиков в Китае. «В первый раз присутствуя на переговорах с китайцами, —

вспоминал Абрикосов, — я понял, что наш посланник абсолютно беспомощен, и все зависит от переводчика. Переводчиком, как правило, бывал человек, посвятивший всю свою жизнь изучению китайского языка, и в отличие от других членов миссии, которые приезжали на три-четыре года, обычно имел постоянную аккредитацию. Переводчик часто лучше понимал китайцев и больше симпатизировал им, чем посланнику. Каждый новый посланник оказывался в полной зависимости у переводчика, который мог легко, особенно, если ему не нравился начальник, поставить его в очень затруднительное положение. Поэтому посланнику следовало быть очень осторожным в своих отношениях с переводчиком... Знание китайского [Колесовым], как говорили сами китайцы, было прекрасным, но, проведя в Китае почти 30 лет, он приобрел отчасти китайский образ мыслей и любил затягивать переговоры, считая, что спешка только мешает достичь приемлемого результата. Часто, особенно если посланник бывал энергичным и хотел быстро получить желаемый результат, переводчик обнаруживал больше симпатий к китайцам, чем к своему начальнику».

Не только Колесов, но и сам Дмитрий Иванович полюбил Поднебесную, ее удивительную историю и неповторимую культуру. Он признавался, что покидая Лондон, «не мог даже мечтать о таком счастье, которое подарила ему жизнь в Пекине». В отличие от Европы, уже в начале XX века жившей в запрограммированном ритме, каждый день в Китае приносил новые впечатления; здесь молодой дипломат обрел множество друзей, еще не зараженных, по его словам, «бюрократическим самодовольством, которым отличались прежние коллеги».

Годы, проведенные на службе в Китае, длительные поездки по Монголии, пребывание в Японии, Сингапуре, Гонконге и на Цейлоне, многочисленные деловые и личные контакты с восточными партнерами и зарубежными дипломатами, создали Дмитрию Абрикосову устойчивую репутацию сильного специалиста по азиатским странам, и Первую мировую войну он встретил сотрудником Дальневосточного отдела МИД в Санкт-Петербурге. Его шефом и наставником здесь был Григорий Александрович Козаков (1869—1918 (?), один из тех российских дипломатов, которые реально творили российскую внешнюю политику, но чьи имена до сих пор остаются мало известными.

Выпускник факультета восточных языков Петербургского университета Григорий Козаков в 1892 г. был причислен к МИД и с 1897 г. служил в посольстве в Токио, затем работал в консульствах в Бомбее, Корее, Пекине и снова, в 1905—1913 гг., — в Токио. С 1914 г. он возглавлял IV (Дальневосточный) отдел МИД, а коллеги по службе называли его фактическим «товарищем министра по дальневосточным делам». Козаков также не признал в 1917 г. большевистское правительство, был арестован и провел около месяца в заключении. В 1918 г., через Финляндию, он пытался бежать за границу, но провалился под лед, отморозил ноги, и, по одной версии, все-таки добрался до Лондона и там скончался от гангрены, а по другой, умер в больнице в Стокгольме. Так или иначе, но Григорий Козаков персонифицировал собой в МИДе ту новую генерацию российских дипломатов, чья служебная карьера была связана не столько с их социальным происхождением и связями, сколько с высоким профессионализмом и основанными на нем амбициями. Дмитрий Абрикосов, несомненно, ощущал близкое родство с этой генерацией в целом и Григорием Козаковым, в частности. По его словам, «[они] ... работали рука об руку и было интересно видеть, как один человек, движимый идеей восстановления позиции России на Дальнем Востоке, сумел в такое короткое время заставить всех забыть бедствия Русско-японской войны. [Козаков] это делал не для того, чтобы прославиться. Лишь несколько людей знали, кто автор нашей успешной политики на Дальнем Востоке, и все лавры доставались министру иностранных дел. Когда я разговаривал с Козаковым об этом, он обычно отвечал, что будет вполне удовлетворен, если в будущем историк, изучающий нашу политику на Дальнем Востоке, обнаружит, что она была задумана и исполнена скромным сотрудником Министерства иностранных дел по фамилии Козаков».

Казалось, после десятилетия заграничной дипломатической службы и при поддержке высокопоставленных коллег Абрикосов мог претендовать на неплохую аппаратную карьеру в России. Однако Провидение в очередной раз распорядилось по-своему. Получивший назначение послом в Токио Василий Николаевич Крупенский предложил Абрикосову в 1916 г. занять пост первого секретаря посольства в Японии. С неохотой уезжая по новому назначению, Дмитрий Иванович еще не знал, что навсегда

покидает и свою семью, и Россию, но тем самым спасает себе жизнь. Он проведет в Японии почти всю оставшуюся жизнь, ровно тридцать лет, до 1946 года.

Посольство без правительства, дипломат без посольства

Японская часть Одиссеи Дмитрия Абрикосова — самая значительная не только по количеству прожитых в этой стране лет, но прежде всего по накалу исторических событий, активным и непосредственным участником которых он оказался. Отправляясь на дипломатическую службу в Японию, Абрикосов рассматривал свою работу в посольстве как миссию по максимальному продвижению геополитических, экономических и культурных интересов России и расширению ее влияния в дальневосточном регионе. Однако жизнь распорядилась совсем иначе. Если в Пекине Абрикосов оказался в момент заката Поднебесной Империи, то в Токио Дмитрию Ивановичу пришлось работать в тот самый период, когда кроваво и трагически завершалась историческая судьба Российской Империи, а с ней и многих ее подданных.

Для служащих российского посольства эта последняя страница Большой Истории началась, как писал Абрикосов, «однажды утром, [когда] посол получил короткую записку от виконта Мотоно, информирующую нас, что Министерство иностранных дел получило телеграмму из японского посольства в Санкт-Петербурге, в которой говорилось, что большевики арестовали членов Временного правительства». Абрикосов, как и его коллеги, воспринял эту новость как начало огромной трагедии. Его личная реакция на грядущие изменения была настолько острой, что в этот же вечер, будучи погружен в мрачные раздумья, он не заметил едущего прямо на него автомобиля и был сбит им.

Все годы гражданской войны российское посольство в Токио энергично работало на поддержку Белого движения, в частности, адмирала А.В. Колчака, а его первый секретарь Абрикосов даже побывал в Сибири, собирая информацию о реальном положении и перспективах различных местных антибольшевистских правительств. Горький вывод, который сделал по результатам этой поездки Абрикосов — «ни одна из тех организаций, с представителями которых я разговаривал, не имеет ни реальных сил,

ни будущего», конечно, глубоко разочаровал, но не остановил попыток российских дипломатов помочь своему погибавшему отечеству и соотечественникам.

По мере неутешительного завершения гражданской войны, фокус деятельности посольства все более смещался в сторону беженских проблем российских граждан, оказавшихся в Японии. В 1921 году после отъезда посла Крупенского в Европу Дмитрий Абрикосов как старший по дипломатическому рангу стал временным поверенным в делах России в Японии и фактически принял на себя всю ответственность за дела русских беженцев и русской диаспоры в Японии. Дипломатическая неопределенность, в течение которой японцы продолжали признавать посольство Российской Империи, продолжалась восемь лет, до 1925 года, когда Япония установила официальные отношения с СССР. Собственно на этом дипломатическая карьера Абрикосова обрывалась, но и после закрытия посольства он продолжал использовать свои старые контакты среди японского чиновничества для помощи соотечественникам. По точному замечанию историка и журналиста Ивана Толстого, Дмитрий Абрикосов — это своего рода Василий Маклаков русской Японии. Лишенный гражданства из-за отказа признать большевистский режим, потерявший официальный дипломатический статус, Абрикосов тем не менее продолжал представлять интересы русской эмиграции, будучи делегирован в эту новую для себя миссию как волей истории, так и собственными представлениями о чести, долге и достоинстве русского дипломата.

К середине 20-х годов русская Япония насчитывала несколько тысяч российских беженцев, большинство из которых покинули Россию в результате Гражданской войны. Они имели самые разные политические взгляды, социальное происхождение, образовательный уровень, но обладали способностью и умением в любых условиях найти адекватные варианты для выбора новой жизненной стратегии, нового пути. «После разговоров с ними, — писал Абрикосов, — я начал испытывать глубокое восхищение большинством из них». Между тем, русские, приехавшие в Японию после землетрясения 1923 г., весьма отличались от тех, кто оказался здесь в начале революции, бежав от большевистских ужасов. Первые беженцы были преимущественно людьми с положением, многое потерявшие в результате революции и, попав в Японию, они продолжали жить прошлым и мечтали о переезде в США или в Европу. Кантоское землетрясение

предоставило им возможность покинуть Японию. Те же русские, которые заняли их место, были большей частью бывшими крестьянами и рабочими, которых гражданская война в Сибири унесла из деревень или заводов. Они немного потеряли, променяв скромное существование дома на такое же за границей, и бессмысленные сожаления о прошлом не отравляли их существование. Прежде всего они стремились найти заработок в новых условиях и демонстрировали при этом немалую смекалку, а языковой барьер преодолевался ими с той же изобретательностью, что и всякие другие.

Немало русских, отказавшихся от томительного и, как оказалось, бесперспективного «чемоданного настроения», осели в Японии надолго, на многие десятилетия, сумев успешно адаптироваться к новой языковой и социальной ситуации. Так, один из друзей Абрикосова Федор Дмитриевич Морозов (1880—1971) основал собственную кондитерскую фирму в Кобе и стал известным предпринимателем в этой области. На многие годы в Японии остался и ряд русских ученых. Там же в Кобе профессор химии, первый ректор Уральского горного и Владивостокского политехнического институтов, Петр Петрович фон Веймарн (1879—1935) возглавлял частную химическую лабораторию. Выдающийся японовед, специалист по языку и фольклору древнейшего дояпонского населения острова Хоккайдо — айнов, Николай Александрович Невский (1892—1937) и его коллега Орест Викторович Плетнер (1892—1970) преподавали в институтах и университетах Кобе, Киото, Осака. Остались в Японии и многие российские дипломаты — консулы Евгений Дмитриевич Малинин (ум. 1925), Василий Александрович Скородумов (1880—1932) и, конечно, Павел Георгиевич Васкевич (1876—1958), в общении с которым Дмитрий Абрикосов провел все последние и самые трудные годы Второй мировой войны в Японии.

В этот период Абрикосов и его собратья по эмигрантской жизни переживали те же лишения, что и сами японцы. Если голод, холод, болезни, налеты авиации определяли трудности бытовой стороны жизни, то подозрительность японской военной полиции и человеческие конфликты внутри различных микросообществ создавали тяжелый моральный климат. По свидетельству Абрикосова, «ожидание продуктов было ужасным испытанием. Иностранцы были поделены по национальности. Все были голодные, злые и обвиняли друг друга в том, что их пытались вытолкнуть из очереди. Особенно плохое

настроение царило среди русских. Никогда не забуду, как одна русская женщина кричала на меня, обвиняя в том, что я пришел позже нее, однако занял место перед ней. К счастью, остальные встали на мою сторону и подтвердили, что видели меня на этом месте с самого начала, и после долгих криков, в которых приняла участие вся очередь, я смог остаться там, где стоял, и получить свои редиски. После этого я пришел к выводу, что легко вести себя по-джентльменски, если ты сыт, а вот сохранить хорошие манеры, если голоден, гораздо труднее».

Природное чувство юмора, унаследованная от предков вера в судьбу, философская стойкость и, наконец, трезвый практицизм, несомненно, помогли Абрикосову выживать в любых условиях. Его друг Павел Васкевич, пригласивший коллегу разделить с ним кров его маленького домика в пригороде Кобе в годы войны, был также личностью неординарной и своеобразной, придерживавшейся определенного уклада жизни, что иногда приводило к дружеским, но не становившимся от этого слабее, противостояниям двух не очень молодых джентльменов. Впрочем, консенсус находился всегда: «После длительных обсуждений того, чем каждый из нас должен заниматься, — вспоминал Абрикосов, — обязанности были распределены в соответствии с нашими способностями. Мой друг копал землю, привозил и разбрасывал навоз и выращивал овощи. Я вытирал в комнатах пыль и готовил пищу. Для облегчения своих трудов я занимался ими под звуки граммофона. Поскольку на привезенных пластинках была только классическая музыка, моими постоянными спутниками были Бах и Бетховен. Приготовление пищи казалось мне ужасным, особенно когда готовить было особенно не из чего. В большинстве случаев это была вода, в которую закладывалось все, что находилось под руками. На второе я готовил то же самое, но более густое. Когда была мука, я жарил какие-то худосочные оладьи. Мы всегда были голодны, и в моих лучших снах я видел яблочные пироги. Иногда сны были такими яркими, что, проснувшись, я чувствовал во рту вкус этих пирогов. Но самым моим приятным занятием были рубка деревьев и заготовка дров. Это заставляло меня размышлять о германском императоре [Вильгельме II], который, потеряв трон, находил утешение в подобном занятии. Я вспоминал и рассказы о том, что любимым занятием Александра III также была заготовка дров. Таким образом, я оказался в неплохой компании».

Годы и маргинальность положения ничуть не притушили интереса Абрикосова к японским и международным политическим событиям. Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки (август 1945) запечатлена в его мемуарах свидетельствами русских очевидцев трагедии, с которыми Абрикосов лично встречался. Все они говорили, что вначале население, привыкшее за годы войны к постоянным авианалетам и большому количеству бомбардировщиков, не отнеслось серьезно к появлению одиночного самолета. И только когда бомба взорвалась, люди отметили необычно яркую желтую вспышку. «Русских как иностранцев, — зафиксировал Абрикосов, — полиция немедленно отправила в соседний храм, и они не видели страданий населения, но все, кто был очевидцем этой трагедии, рассказывали, что эти страдания и их последствия были ужасны, и только такие стоические люди, как японцы, могли их вынести». Несмотря на особенности профессиональной оценки событий, нравственное чувство никогда не покидало Абрикосова и всегда приоритетно присутствовало в его анализе. Комментируя суждения о «необходимости и полезности» американской бомбардировки для «дела мира», он вопрошал: «Может ли кто-нибудь позволить себе оправдать с моральной точки зрения какими-либо расчетами использование такого оружия, которое разрушает в один момент целые города и убивает сотни тысяч людей, в том числе женщин и детей, и отравляет всю местность на много лет вперед?» Вывод русского дипломата был вполне определенным: «Для мира и, возможно, для США, было бы в сто раз безопаснее, если бы атомная бомба никогда не была изобретена и сброшена на Хиросиму и Нагасаки».

Не пропустил Абрикосов и токийских заседаний Международного военного трибунала для Дальнего Востока, начавшего работу в январе 1946 г. На одном из них он встретил в качестве подсудимых многих своих японских знакомых — правительственных чиновников, которые, по словам Абрикосова, «не могли понять, какое преступление они совершили, когда думали только о том, как лучше служить своей стране». Независимость суждений, с молодости присущая Дмитрию Абрикосову, проявилась и в оценке им Токийского процесса. Знаток японской бюрократии, он отмечал, что японские чиновники — это люди, которые отдавали свой труд тому, в чем видели благо Японии. «Война могла их изменить, — писал Абрикосов, — успехи в ее начале могли придать некоторым из них, особенно милитаристам типа генерала Тодзё, самонадеянности и самодовольства, этот

последний в результате действительно был причастен к жестокостям и должен был понести за это наказание. Но различные гражданские лица, такие, как бывший министр иностранных дел Сигемицу или Того, которые пытались сопротивляться влиянию милитаристов и оставались на своих постах или соглашались занимать эти посты по присущей японцам дисциплине, согласно которой министр не может отказаться служить правительству, особенно в военное время, безусловно, не могут считаться преступниками».

Осенью 1946 года, при содействии своего американского коллеги, бывшего посла США в Японии Джозефа Грю (1880—1965), Дмитрий Абрикосов покинул Страну восходящего солнца и отправился в США. Не последнюю роль в его отъезде сыграла активность советского посольства в Токио по возвращению бывших соотечественников в СССР. Сотрудники советской дипмиссии нанесли визит и Д.И. Абрикосову. Рассказывая о блестящей профессиональной карьере в СССР старшего брата Дмитрия Ивановича — Алексея, действительного члена АН СССР, они предлагали старому дипломату свои услуги по передаче писем брату и рекомендовали подумать о возвращении в Россию. В мемуарах Абрикосов отмечает, что советская пропаганда имела большой успех среди русских в Японии. Бесконечно уставшие от войны и разлуки с родным языком и семьями, «многие, ненавидевшие раньше само слово «большевик», начали вдруг говорить, что времена изменились, что большевики не так ужасны, как о них рассказывают, что в конце концов они русские и выказали настоящий патриотизм, защищая страну от немцев». Как известно, судьба подавляющего большинства русских эмигрантов, поверивших призывам советских властей и вернувшихся в СССР, была трагичной. Дмитрий Абрикосов сразу почувствовал фальшь в речах советских эмиссаров и принял решение, прямо противоположное советским ожиданиям: «Разговор с консулом оставил неприятный осадок, и я почувствовал, что Советы подбираются все ближе, и чем быстрее я уеду из Японии за океан, тем будет лучше для меня».

Несмотря на множество трудностей, пережитых в Японии, Абрикосов навсегда сохранил чувство благодарности стране и японскому народу. Свои воспоминания он начинает с признания в этом: «Япония ... не была плохой мачехой для тех русских, которые нашли в ней приют, но все-таки оставалась им чужой по своим обычаям, мыслям

и чувствам. Японцы проявляли к изгнанникам искреннее гостеприимство и никак не ограничивали их жизнь. Время от времени они, конечно, ворчали, но относились к нам хорошо, с большой доброжелательностью. Я испытал на себе великую доброту японского правительства и народа и в те времена, когда в 1916 г. приехал в Японию в качестве первого секретаря посольства старой России, и тогда, когда, несмотря на революцию и гражданскую войну, посольство продолжало существовать, и в грустные дни 1925 г., когда, оставшись последним представителем старой России, вынужден был его покинуть. Несмотря на то, что Вторая мировая война многое изменила в характере японцев, я буду всегда благодарен судьбе за то, что во времена разрушений и бедствий России она забросила меня в Японию. Даже утратив официальный статус, я продолжал спокойно жить в Японии среди дружелюбного, всегда улыбающегося народа...».

Последние пять лет жизни Дмитрий Иванович Абрикосов провел в Пало-Альто (Калифорния). Среди нехитрого скарба, который он привез из Японии, главными предметами была пишущая машинка и единственный экземпляр воспоминаний, который он никогда никому не давал читать. Более того, по свидетельству душеприказчика Абрикосова, адмирала Б.П. Дудорова, Дмитрий Иванович ни с кем не говорил о рукописи, и только в завещании, написанном незадолго до кончины, просил передать текст мемуаров своему двоюродному брату Павлу Николаевичу Абрикосову, жившему в Канаде. Так он отправлял свою рукопись на вечное хранение и вряд ли ожидал, что она будет опубликована всего через тринадцать лет после его кончины. Еще меньше Дмитрий Иванович ожидал, что она будет издана в России. И хотя эмигрантство обрекло имя Д.И. Абрикосова, как и многих других наших соотечественников, на долгие годы забвения, время и усилия потомков постепенно возвращают их нам.

Дмитрий Абрикосов принадлежал к той многочисленной плеяде российских дипломатов, которые вершили «большую политику» непосредственно на местах. Далекое от интриг и хитросплетений столичного мира, они своей деятельностью и самим образом жизни и мысли непосредственно влияли на формирование представлений о России и россиянах в странах и городах пребывания. Мемуары Д.И.Абрикосова — памятник всем тем, кто сохранял верность России, понимая, что возврата к прошлому никогда не будет.